

Ў. Пирьевец

Э. Кардель и Россия

J. Pirjevec

E. Kardel and Russia

Отношение к Советскому Союзу Э. Карделя, наиболее видного югославского идеолога в период режима Й.Б. Тито, было обусловлено тем, что он лично пережил сталинский террор во второй половине 1930-х годов. В то время молодой Кардель учился в Москве, что дало ему возможность стать свидетелем репрессий, почти уничтоживших югославскую политическую диаспору. Этот опыт не поколебал его веры в марксизм, но укрепил его в убеждении, что в Югославии его следует проводить более гуманным способом. После разрыва Сталина с Тито в 1948 г. Кардель получил возможность начать развивать свои идеи о «социализме с человеческим лицом» и сформулировать доктрину системы самоуправления, опирающуюся не только на марксизм, но и на традиции французских социалистов-утопистов. Главным его аргументом стал тезис о том, что КПСС превратилась в бюрократическую касту, которая от имени рабочего класса узурпировала власть. Эта полемическая точка зрения вызвала в Москве решительную критику югославского «ревизионизма», продолжавшуюся вплоть до смерти Карделя и Тито.

Ключевые слова: самоуправление, югославский «ревизионизм», отношения Москва — Белград, Й.Б. Тито, Э. Кардель, И.В. Сталин, Н.С. Хрущев, Л.И. Брежнев.

Edvard Kardel was the the most import ideologue of Tito's regime. His attitude towards Soviet Union was biased by his personal experience of Stalin's terror in thirties. At that time young Kardel studied in Moscow, where he become the witness of the liquidation of the large Yugoslav political diaspora. This experience did not shake his belief in Marxism, although inspired him the idea that it should be realized in Yugoslavia in a more human way. After the split between Stalin and Tito in 1948, Kardelj was able to start developping his «socialism with human face» and his doctrine of self-management, based not just on Marxism but on the traditions of the French utopian socialists too. His main point was the belief that the CPSU has degenerated into a bureaucratic caste, which

usurped power in the name of the working class. This polemical attitude provoked in Moscow a critic of the Yugoslav «revisionism», that lasted till Kardelj's and Tito's death.

Keywords: self-government, Yugoslav «revisionism», relations Moscow — Belgrade, J.B. Tito, E. Kardel, I.V. Stalin, N.S. Khrushchev, L.I. Brezhnev.

В 1935 г. Эдвард Кардель, как и многие молодые югославские коммунисты, принимавшие участие в борьбе против короля Александра Карагеоргиевича, уехал в Москву, отчасти для того, чтобы избежать преследований полиции, отчасти — чтобы повысить уровень образования по теории марксизма-ленинизма. В столице СССР он получил место преподавателя в Коммунистическом университете национальных меньшинств Запада (КУНМЗ), который был открыт для групп национальных меньшинств европейской России, а также для студентов из Скандинавии, прибалтийских республик и балканских стран. Конечно, он сразу же включился в деятельность местной югославской диаспоры, где укрепил отношения прежде всего с Йосипом Брозом, который в то время тоже прибыл в Москву и был принят на работу в Балканский секретариат Коминтерна.

Период сталинских чисток, начавшийся после убийства С.М. Кирова 1 декабря 1934 г., был очень трудным и для Тито, и для Карделя, поскольку жертвами террора стали главным образом коммунисты, как местные, так и эмигранты с Запада. О том времени, когда люди боялись, что их в любой момент могут арестовать, Кардель никогда не рассказывал подробно, однако несомненно, что оно оказало решающее воздействие на его отношение к Советскому Союзу, к России и к ее народу. Поскольку по характеру он был человеком замкнутым и не шел на поводу своих эмоций, то не выказывал своего отрицательного отношения к сталинизму и бюрократизму, с которыми столкнулся в Москве, так как понимал, что это может стоить ему головы. Он был совершенно согласен со своим другом и соратником Б. Кидричем, в то время также находившимся в Советском Союзе, что в стране применяется политическая практика, все больше отклоняющаяся от истинного научного

марксизма. Кардель стремился как можно скорее уехать из Москвы и вернуться домой, но это было непросто, потому что власти не хотели выпускать из-под надзора иностранных коммунистов. На его счастье, в 1937 г. в Коммунистической партии Словении начался кризис, который мог привести к ее отделению от КПЮ. Броз, которого Кардель просил о поддержке, предложил Коминтерну доверить Карделю роль посредника, чтобы он помог урегулировать эту ситуацию¹. Тем самым он, вероятно, спас его от гибели, учитывая то, что 800–900 югославов, находившихся в то время в Советском Союзе, постигла трагическая судьба. Они были арестованы и этапированы в Сибирь, если, конечно, не оказывались перед расстрельной командой.

Несмотря на травмирующий опыт, пережитый в Москве, Кардель не отверг коммунистическую идеологию, а также не выступил открыто против режима Сталина. Он разделял точку зрения Броза, полагавшего, что этого не стоило делать в то время, когда разразилась Вторая мировая война, и невозможно было представить себе, что кто-либо, кроме Советского Союза, сможет оказать поддержку югославским народам. Алеш Беблер в воспоминаниях приводит эпизод, характерный для образа мыслей Карделя. В 1937 г. они встретились в Париже, направляясь при этом в разные пункты назначения. Беблер — отправлялся в Испанию сражаться в интернациональных бригадах против Франциско Франко, а Кардель возвращался домой. Во время этой встречи, находясь вне досягаемости прослушки, Беблер сбросил камень с души, поделившись с Карделем, как с ближайшим товарищем по партии, тягостными воспоминаниями о Советском Союзе. Он говорил совершенно открыто: 1. Сталин провел коллективизацию земли такими методами, как будто все крестьяне были врагами социализма. 2. Вся система настолько бюрократизирована, что люди отучились говорить о том, что думают. 3. Они не верят судебным процессам против инакомыслящих — ближайших соратников Ленина. 4. В отношении искусства Сталин — реак-

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 11. Д. 300.

ционер. Лучшие люди, например, Мейерхольд, таинственно исчезают. 5. Что касается национального вопроса в Советском Союзе, то Сталин — великорус. 6. Но хуже всего — сталинская оценка Гитлера, которая подтолкнула КП Германии во главе с Э. Тельманом к союзу с нацистами против социал-демократов. «Я выложил все это Карделю как на духу. В России мы никогда не говорили свободно. [...] Кардель слушал с большим интересом. Не пытался убедить меня в том, что я ошибаюсь или преувеличиваю. Говорил только о фашизме с позиций последнего конгресса Коминтерна и выступления на нем Димитрова. Сталин с ним согласился, и теперь это общая линия всех коммунистов: борьба против фашизма, единый антифашистский фронт, война против открытого нападения фашистов в Испании. Возможно, мы остановим наступление фашистов!» Свой рассказ Беблер завершил загадочным, но вместе с тем содержательным замечанием: «Так мы разошлись с Карделем». Очевидно, они не только пошли каждый своим путем, но и избрали различное отношение к марксистской догме в интерпретации Сталина². Беблер ее отверг, Кардель остался ей верен, но это было обусловлено убеждением последнего: несмотря ни на что, в борьбе против фашизма Советский Союз — единственная возможная опора для словенских коммунистов. В этом он полностью соглашался с Йосипом Брозом.

Во время Второй мировой войны Кардель по-прежнему был убежден в этом и поэтому пользовался большим доверием у Коминтерна. Коминтерн уже в 1940 г. создал тайную радиостанцию в Загребе, которой руководили два его агента — Йосип Копинич (Ваздух) и его жена. Зона ее покрытия охватывала все Балканы, Италию и Среднюю Европу. Когда в июне 1942 г. Копинич был вынужден покинуть Загреб и присоединиться к словенским партизанам, он устроил новую импровизированную радиостанцию на их базе в лесах Рога в Нижней Крайне, и она поддерживала связь с Москвой³. Контролировал ее Кардель, он также выполнял функции посредника между СССР и итальянскими коммунистами, что недвусмысленно

² *Bebler A. Čez drn in strn. Spomini. Koper, 1981. S. 59, 60.*

³ *Cenčič V. Enigma Kopinič. Beograd, 1983. S. 59, 60.*

свидетельствует о том, что в Коминтерне полностью доверяли Францу Эдуардовичу Бирку, как его называли в России. Это подтверждается и тем фактом, что по важнейшим вопросам его информировали одновременно с Тито. Например, Георгий Димитров 10 августа 1942 г. послал им обоим следующую телеграмму: «Называйте ваши пролетарские бригады не пролетарскими, а ударными, повторяем: ударные бригады. Попытайтесь понять: это имеет огромное политическое значение для объединения народных сил против агрессоров и их приспешников, как в самом государстве, так и в других странах. Вы руководите национально-освободительной войной, которая ведется силами рабочих, крестьян, связанных с народом интеллигентов и других патриотов, а не борьбой пролетариата. Вы всегда должны исходить из этой предпосылки. Прекращайте сами лить воду на мельницу врагов народа, которые со злорадством используют каждую подобную ошибку с вашей стороны»⁴.

Тито никак не прокомментировал эту предостерегающую телеграмму, в которой югославских коммунистов пытались предупредить, дабы они умерили революционный пыл и не возбудили на Западе подозрений, что Советский Союз пытается использовать войну для расширения своего влияния на Балканах. Бирк поддержал ее всецело и ответил немедленно: «Мы получили ваше зашифрованное сообщение. Полностью согласны с вашими указаниями и немедленно приступаем к исправлению ошибки»⁵. Эту готовность повиноваться в Москве сумели оценить. Когда через несколько месяцев в боснийском городке Бихач Тито начал подготовку первого Антифашистского веча национального освобождения Югославии (АВНОЮ), на котором он намеревался провозгласить смену власти в Югославии, Москва насторожилась. Его намерение свергнуть королевское правительство в изгнании, пользовавшееся поддержкой англичан и американцев, а также признанное и Советским Союзом, показалось Сталину слишком дерзким. Он был убежден, что западные союзники интерпретируют такую направленность как доказательство стремления Тито расширить свое

⁴ *Dimitrov G. Diario. Gli anni di Mosca (1934–1945)*. Torino, 2002. S. 494, 495.

⁵ *Ibid.* S. 495; Arhiv Slovenije (далее — AS). Fond Dedijer. T. e. 201.

влияние на Балканах. Дабы подрезать крылья амбициям Тито, Сталин через Коминтерн передал Карделю требование, чтобы коммунисты выступили против стремления Тито стать председателем Исполнительного комитета АВНОЮ. Неизвестно, последовал ли Кардель этим указаниям. Примечательно, как он прокомментировал это событие много лет спустя в разговоре с Владимиром Дедиером. Он сообщил историку, что Советы пытались вбить клин между ним и Тито, и это означает, что в назревавшем между двумя лидерами конфликте он не встал на сторону Сталина⁶. Кардель не желал стать советской марионеткой в КПЮ, что доказывает его выступление на собрании видных активистов народно-освободительной борьбы, состоявшемся в апреле 1943 г. в Словении. Он наметил направления будущего развития социализма в Югославии, причем подчеркнул мысль, что никто не знает, какой путь продиктуют дальнейшие события. «История никогда не повторяется, и мы не можем повторить опыта других (например, большевиков). Наша революция является своеобразной, совершенно новой и оригинальной формой общественной революции»⁷.

Это была смелая идея, опровергавшая тезис о единственно возможном пути строительства социализма по советскому образцу, и в ней уже содержались ключевые моменты главной теории Карделя, которую он развивал в течение многих десятилетий, вплоть до смерти. Исходя из этой позиции, Кардель в последующие годы всегда поддерживал Тито в конфликте со Сталиным и его наследниками, который начался во время войны и разросся после ее окончания. Он изменил себе только один раз, во время так называемого «триестского кризиса». С одобрения Сталина в апреле 1945 г. югославы приняли решение силами Четвертой армии, созданной именно с этой целью, прорваться в Северную Адриатику, захватить Триест и установить новую границу с Италией вместо «рапалльской границы» между государствами 1920 г. После жестоких боев с немцами их воинские подразделения действительно заняли город, что вызвало резкий отпор со стороны западных союзников, которые видели в Тито носителя

⁶ Pirjevec J. Tito in tovariši. Ljubljana, 2011. S. 121.

⁷ Javoršek J. Spomini na Slovence. III. Ljubljana, 1990. S. 236.

сталинских идей и опасались распространения коммунизма на территории, которые считали своими. Они выдвинули ультиматум с требованием, чтобы партизаны ушли оттуда, но Тито сначала решительно отверг его. Лишь когда стало понятно, что Сталин не собирается поддержать его в конфликте с англичанами и американцами, он уступил, но при этом пришел в негодование. 25 мая 1945 г., во время первого визита в освобожденную Словению, он выступил в Любляне с исторической речью, в которой подчеркнул, что новая Югославия не собирается становиться «разменной монетой» в торге между великими державами. Сталин не прислушался к этой косвенной критике, но через посла в Белграде И.В. Садчикова сделал Тито резкий выговор. В полемику вступил и Э. Кардель. Воспользовавшись подходящим моментом, он высказал советскому представителю ряд критических замечаний по поводу авторитарического поведения Тито, а также выразил свою лояльность, говоря, что Советский Союз должен «видеть в нас представителей одной из будущих советских республик, а не представителей другой страны»⁸. Никогда — ни раньше, ни позже — Кардель не заходил так далеко в своем отношении к Советскому Союзу, поэтому можно предположить, что, скорее всего, это заявление он сделал в момент плохого настроения, оно не отражало изменения его политической линии. Советы также не восприняли его всерьез, поскольку из характеристики Карделя, находящейся в архивах Коминтерна, не убрали примечания, что в конце войны он выступал за то, чтобы Югославия сохраняла нейтральную позицию между Востоком и Западом⁹.

Тито, который обычно не забывал критики в свой адрес, по словам Джиласа, не ставил в упрек Карделю тот разговор с Садчиковым, он сохранил с ним хоть и не душевные, но корректные отношения¹⁰. Обида осталась, но в последующие годы никак не проявлялась просто потому, что маршал — сначала в период в конфликта с Западом, а потом и со Сталиным — нуждался в Карделе и знал, что может на него положиться. Во

⁸ *Pirjevec J.* Op. cit. S. 382.

⁹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 277. Д. 9.

¹⁰ *Đilas M. Tito. Eine kritische Biographie.* Wien, 1980. S. 234.

время подготовки и проведения Парижской мирной конференции, когда велись споры о новой границе с Италией, Кардель руководил югославской делегацией и тесно сотрудничал с советским министром иностранных дел В.М. Молотовым. Советский Союз в целом поддерживал территориальные притязания Югославии, но лишь тогда, когда они не пересекались с его интересами, обусловленными необходимостью избежать чрезмерного обострения отношений с Западом. Поэтому Молотов был готов идти ему на уступки в ключевых моментах, что сильно оскорбило Карделя, воспринявшего это как предательство. В воспоминаниях Кардель писал, что народы Югославии должны быть благодарны Советскому Союзу за помощь, оказанную им на Парижской мирной конференции, однако не смог удержаться от едкого замечания, что советская делегация шла на «компромиссы [...] иногда без какой-либо нужды, или же слишком быстро, или без определенных встречных уступок»¹¹.

В течение нескольких месяцев после подписания мирного договора с Италией 10 февраля 1947 г. отношения Белграда и Москвы были очень напряженными, прежде всего, из-за вмешательства югославы в гражданскую войну в Греции, которую Сталин считал опасной авантюрой, а также из-за их переговоров с болгарями о создании федерации двух государств, которые проходили без предварительного одобрения «хозяина». О том, что в Москве недовольны югославами, свидетельствует эпизод, произошедший в начале сентября в аэропорту у польского летного городка Шклярска-Поремба, где был созван учредительный съезд Информационного бюро, организации, которая должна была стать связующим звеном между важнейшими коммунистическими партиями в Европе и согласовывать их политические действия. Когда югославская делегация во главе с Карделем и Джиласом вышла из самолета, на котором прилетела, ее никто не встретил. Обоим маститым политикам вместе с сопровождающими пришлось, спасаясь от страшной жары, провести несколько часов в тени под крылом самолета в ожидании каких-либо официальных представите-

¹¹ *Kardelj E. Spomini. Boj za priznanje in neodvisnost nove Jugoslavije, 1944–1957. Ljubljana, 1981. S. 88.*

лей. Очевидно, что это была протокольная «пощечина», такого не могло случиться из-за ошибки¹². Несмотря на этот инцидент, когда на конференции А.А. Жданов заявил, что холодная война неизбежно переродится в вооруженное столкновение между советским и империалистическим блоками, оба, и Кардель и Джилас, отличились «правотворностью» своих выступлений, что, впрочем, не смогло смягчить недовольства Сталина руководителями Югославии и их чересчур самостоятельной политикой. Его терпению пришел конец, когда в конце 1947 г. он узнал, что Тито намерен послать в Албанию армейскую дивизию якобы для защиты ее от Запада. Вооруженные силы западных стран поддерживали афинское правительство против восставших коммунистов. Вышеупомянутое решение, которое Тито принял, не посоветовавшись прежде с СССР, Сталин счел очень опасным, поскольку оно могло спровоцировать конфликт, в который был бы втянут и Советский Союз — из-за договора о взаимопомощи, заключенного с Югославией. Чтобы раз и навсегда разрешить актуальные проблемы в отношениях между государствами, «хозяин» в феврале 1948 г. созвал в Кремле заседание, на которое пригласил Димитрова и Тито. Первый послушно поспешил в Москву, второй сослался на то, что болен, и отправил туда вместе с М. Джиласом и В. Бакаричем также Э. Карделя. Последний не только стал вынужденным свидетелем приступа ярости Сталина на ночном заседании в Кремле, но и пережил один из самых травмирующих и унижительных моментов в своей жизни. Через несколько дней после заседания его неожиданно, посреди ночи, вызвали в Кремль, чтобы подписать с Молотовым двусторонний договор, согласно которому Югославия брала на себя обязательство не предпринимать никаких серьезных внешнеполитических шагов без предварительного согласования с Советским Союзом. Он был настолько взволнован, что подписал документ в том месте, где это должен был сделать Молотов, и его пришлось заново напечатать и повторить торжественное событие¹³.

¹² Fondazione Franca e Franco Basaglia. Fondo Dedijer, Vemezia; *Pirjevec J., Ramšak J.* Od Mašuna do New Yorka, 20. stoletje skozi pričevanja štirih slovenskih diplomatov. Koper, 2014, e-izdaja. pdf. S. 88.

¹³ *Kardelj E.* Op. cit. S. 119.

По возвращении на родину Кардель стал одним из главных сторонников решения Тито не склоняться перед всемогущим Сталиным. Весной 1948 г. Сталин направил обоим — Тито и Карделю — ряд писем, в которых обвинил ведущих югославских коммунистов в идеологических ошибках левого и правого уклона, даже не пытаясь убедить их покаяться. О том, что такая конфронтация делает невозможным примирение с СССР, Кардель говорил ближайшим товарищам уже в середине марта, после первого письма «хозяина»: «Я хорошо знаю русских [...]. Знаю их логику. Они даже фашистами нас объявят, чтобы морально и политически обосновать перед всем миром борьбу против нас. Они бы ликвидировали нас силовым путем, если бы могли это сделать»¹⁴. Поскольку Кардель полагал, что сопротивление диктатуре Сталина важно для развития не только югославского, но и мирового социализма, он настаивал на том, чтобы бросить ему вызов. Кардель понимал, что КПЮ — единственная партия советского блока, о которой можно сказать, что она независима от Москвы, и поэтому Сталин в определенном смысле ее опасается: «Он знал, что мы готовы дать отпор его диктату»¹⁵.

Осенью 1948 г., когда после исключения КПЮ из Информбюро раскол между Сталиным и Тито стал очевидным, Кардель, и ранее негласно руководивший внешней политикой Югославии, официально занял должность министра иностранных дел. Уже в новом качестве он принял участие в заседаниях Генеральной Ассамблеи и Организации Объединенных Наций, созванной в сентябре 1948 г. в Париже, а в следующем году — в Нью-Йорке. Если на первой Ассамблее он проводил очень сдержанную политику, чтобы не обострять конфликт с СССР, то на второй он отбросил всякую осторожность и критиковал его, используя весь арсенал имевшихся в его распоряжении средств. В выступлении на всемирном форуме 24 сентября 1949 г. он обвинил Советский Союз в том, что его политическая практика не соответствует возвышенным идеалам, провозгла-

¹⁴ *Dedijer V. Izgubljeni boj J. V. Stalina, 1948–1955. Ljubljana, 1969. S. 231.*

¹⁵ AS. Dedijer. Fond 1979. T. e. 201. Zabeleška o razgovoru druga E. Kardelja z Vladimirom Dedijerjem u Ljubljani, 11. oktober 1978 godine.

шаемым им на международной арене: «Конкретная позиция, которую СССР занял по отношению к Югославии, свидетельствует о том, что правительство СССР не всегда хорошо понимает современные стремления тех, кто выступает за мир и демократию. Мы уважаем позитивные и передовые выступления СССР за мир и мирное сотрудничество между народами, которые мы поддерживали и будем поддерживать впредь, в то же время следует отметить, что по ряду вопросов у СССР слова расходятся с делами, и прежде всего это проявляется в его отношении к ФНРЮ. Нельзя говорить о невмешательстве во внутренние дела других государств и при этом занимать такую позицию, какую Правительство СССР сейчас занимает по отношению к правительству независимого государства, каковым является Югославия. Нельзя говорить о миролюбии и при этом осыпать Югославию подобными угрозами, как это делает правительство СССР»¹⁶.

Благодаря этому и последующим выступлениям Карделя, в Москве его стали воспринимать как врага Советского Союза, тем более что он не ограничился критикой его внешней политики, но вскоре стал главным противником его пути к социализму. Это было болезненно в особенности из-за того, что Кардель, в сентябре 1944 г. награжденный Орденом Ленина, считался в КПСС «наиболее подкованным в марксизме югославским коммунистом»¹⁷. В противовес плановой централизованной экономике, которую ввел Сталин, он провозгласил систему самоуправления, говоря, что необходимо отвергнуть азиатскую модель общества и вернуться к европейским корням социализма. «Заводы рабочим!» — этот лозунг он выдвигал вместе с другими ведущими югославскими идеологами. Уже в начале 1950 г. он пришел к осознанию того, «что Сталина невозможно полностью отделить от Ленина [...] Сталин опирается на Ленина»¹⁸. В лекции «Социалистическая демократия в югославской практике», которую Кардель прочитал в октя-

¹⁶ *Dedijer V. Dokumenti 1948. Beograd, 1979. Knj. II. S. 341.*

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 277. Д. 9.

¹⁸ *Dilas M. Jahre der Macht. Kräftepiel hinter dem Eisernen Vorhang. Memoiren, 1945–1966. Molden-S. Seewald; München, 1983. S. 308.*

бре 1954 г. в столице Норвегии Осло, куда приехал как гость местной социал-демократической партии, он, повторяя то, о чем уже говорил двумя годами ранее на VI съезде КПЮ в Загребе, заявил, что зародыши социализма можно найти в капиталистических государствах, как и зародыши капитализма — в социалистических. По его мнению, теория, согласно которой консервативный и прогрессивный лагеря якобы совпадали с границами блоков, была несостоятельной. Это отрицание черно-белого раздела мира на лагерь социализма и лагерь капитализма, а тем паче утверждение, что без демократии нет социализма, привело Советский Союз в сильнейшее раздражение. Его главный идеолог М.А. Сулов, который внимательно следил за выступлениями и статьями Карделя, оценивая вышеупомянутую речь, записал, что Кардель «по всем своим политическим взглядам [...] не коммунист и не марксист-ленинист, а социал-демократ»¹⁹.

Когда после смерти Сталина и победы Н.С. Хрущева в развернувшейся за кремлевскими стенами борьбе за власть началась «оттепель» в отношениях между Москвой и Белградом, Кардель приветствовал нормализацию отношений между двумя государствами, но не между КПЮ и КПСС, во всяком случае, в том виде, в каком ее предложил Хрущев, когда во время знаменитого «покаянного» визита в Югославию в мае 1955 г. заявил, что нет никаких причин, препятствующих тому, чтобы югославские коммунисты вновь вошли в «лагерь» и присоединились к Варшавскому договору. В отличие от Тито, который, особенно после XX съезда КПСС и разоблачения культа личности Сталина, стал восприимчив к «пению московских сирен», Кардель сдержанно относился к примирению на партийном уровне и не скрывал этого. В июне 1956 г. во время визита югославской делегации в Советский Союз, вылившегося в триумф Тито, Кардель держался в стороне, на протокольном уровне его также переместили во второй ряд. Даже западные обозреватели обратили внимание, что на опубликованных в прессе фотографиях, на которых, все еще по сталинскому об-

¹⁹ Едемский А.Б. От конфликта к нормализации. Советско-югославские отношения в 1953–1956 годах. М., 2008. С. 354.

разцу, политики размещались по степени их значимости, его специально отодвигали на второй план. Свои мысли о Советском Союзе Кардель смог открыто высказать только в конце 1956 г., когда в Венгрии началось антикоммунистическое восстание, которое подавила Красная армия. Хотя югославы поддерживали советскую вооруженную интервенцию как «необходимое зло», поскольку понимали, что провал коммунистического режима в Венгрии станет угрозой и их режиму, однако не смогли удержаться от того, чтобы не приписать развитие событий в соседнем государстве многолетнему воздействию сталинизма, навязанного Советами венграм. Сначала в этом ключе выступил на собрании партактива в Пуле 11 ноября 1956 г. Тито, а затем, 7 декабря в Союзной Скупщине в Белграде, и Кардель. Последний снова резко критиковал СССР, говоря, что в советском обществе утвердилась партийная бюрократия, узурпировавшая власть под лозунгом диктатуры пролетариата. Эта «каста» провозгласила себя коммунистической, в действительности же она осуществляет деспотию, препятствует прогрессу и развитию новой реальности в общественных отношениях. «Если некая партия этого не понимает, она может продолжать бить себя в коммунистическую грудь и похвастаться марксизмом-ленинизмом, ссылаясь на свою ведущую историческую роль. Но, несмотря на это, она будет ставить палки в колеса социалистическому развитию. Думать, что партия гарантирует прогрессивный и демократический характер своей власти просто потому, что называется коммунистической, — серьезное антимарксистское заблуждение»²⁰.

Советский Союз с раздражением отреагировал на этот безжалостный диагноз реального положения дел, о чем свидетельствует большая, на две страницы, вводная статья, опубликованная в газете «Правда» 18 декабря 1956 г. В ней «господина» (уже не «товарища») Карделя обозвали апологетом коммунистической ереси²¹. Конечно, это не помешало Карделю по-прежнему отстаивать свои позиции. Он снова их вы-

²⁰ *Pirjevec J.* Op. cit. S. 408.

²¹ *Kullaa R. E.* From Tito–Stalin Split to Yugoslavia’s Finnish Connection: Neutrality before Non-Alignment 1948–1958. Maryland, 2008. P. 218–219.

сказал на крупном торжестве в честь 50-летия Октябрьской революции, организованном в Москве. На этом мероприятии Н.С. Хрущев хотел провозгласить единство и целостность социалистического блока, которые должно было подтвердить торжественное заявление всех «коммунистических и рабочих партий», находящихся у власти. При этом он рассчитывал на приезд Мао Цзэдуна и Тито, который, по своему обыкновению, в последний момент уклонился от приглашения, сославшись на болезнь. И в этот раз, как и прежде, в 1948 г., он послал в Москву от своего имени делегацию во главе с Карделем. Между Карделем и Хрущевым произошло бурное столкновение, которое не повлияло на решение Карделя не присоединяться к вышеупомянутому заявлению. Конфликт все же настолько измотал ему нервы, что по дороге домой, недалеко от Будапешта, он потерял сознание в поезде²².

Следующий момент крайней напряженности отношений между Карделем и СССР наступил уже весной следующего года, на VII съезде КПЮ. Тот факт, что съезд был созван в Любляне, сам по себе свидетельствует о центральной роли на нем словенского политика. Именно он являлся главным автором новой программы партии, в которой окончательно сформулировал свою теорию строительства социализма. Кардель начал развивать ее еще до разрыва со Сталиным, после же него занялся ее разработкой более интенсивно и решительно. По его мнению, этот процесс не являлся исключительной прерогативой Советского Союза и тех государств, в которых после Второй мировой войны пришли к власти коммунистические и рабочие партии, в нем творчески принимали участие также и государства с политической традицией плюрализма и капиталистической организацией экономики. В Москве эту программу сочли настолько ревизионистской и вызывающей, что в ответ на нее развязали бурную идеологическую полемику, в которую вскоре включились со своими особыми мнениями даже албанцы и китайцы. Кардель не отступил, напротив, в брошюре «Социализм и война», опубликованной в августе 1960 г., он более

²² *Vlahović V. Strogo pov. Neobjavljeni rokopis. Beograd, 1955–1956. IŠ «Stručna knjiga» d. p. S. 165, 166, 197.*

остро сформулировал тезисы, отвергавшие деление мира на социалистическую и капиталистическую части, между которыми неизбежно должен начаться вооруженный конфликт. Словенский идеолог уделил пристальное внимание советскому «гегемонизму» (этим термином югославы обозначали политику Москвы, отвергающую возможность их независимого пути к социализму). Он утверждал, что война между социалистическими странами, цель которой — насильно заставить государство, подвергнувшееся нападению, принять вариант социализма агрессора, неизбежно станет «фактором реакции». Очевидно, что, высказывая это, он думал о СССР. Однако по вопросу о том, является ли неизбежной война между двумя блоками, он был согласен с Хрущевым и поддержал его политику разрядки международной напряженности, отвергнув тезис КНР, что империализм — просто «тигр из бумаги», которого не следует опасаться. Эта позиция, в сущности, отрицавшая неизбежность глобальной революции в современном мире из-за угрозы, которую представляло ядерное оружие для существования человечества, настолько шла вразрез с общепринятыми догмами, что смущала даже югославы. Показательно, что эта брошюра Карделя вскоре была изъята из обращения²³.

В последующие годы на уровне международных отношений произошло сближение Тито и Хрущева, а в области внутренней политики в Югославии начался конфликт между реформаторами во главе с Карделем и консервативными силами, идейным вождем которых был Александр Ранкович, могущественный «хозяин» тайной полиции Управления государственной безопасности. Поскольку Тито склонялся на сторону консерваторов, Кардель оказался в изоляции, существовала даже опасность, что его отстранят от политической жизни. Поскольку в 1961 г. его тяжело ранили на охоте, он стал подозревать, что Тито собирался устранить его физически²⁴. Что характерно для этой ситуации — он не поехал вместе с маршалом с государственным визитом в Москву в конце 1962 г., а отправился в Индонезию, где выступил с тезисами, противоречившими

²³ AS. Dedijer. T. e. 111. Tipkopolis za IV. zvezek Titove biografije. S. 147.

²⁴ Pirjevec J. Op. cit. S. 445–447.

тому, что говорили Тито и Ранкович в Советском Союзе. Помимо прочего, он критиковал «гегемонизм» и назвал его современной формой империализма. Антисоветскую суть этой речи невозможно было пропустить. Советы выразили протест, и это убедило Тито поручить Ранковичу отправить Карделю телеграмму, в которой его позиция подвергалась критике и даже высказывалась угроза, что его дело будет разбирать Контрольная комиссия партии²⁵. Казалось, политической карьере Карделя пришел конец. Однако произошло обратное. Тито стал опасаться слишком большой власти Ранковича и подозревать того в стремлении его свергнуть, поэтому в 1963–1966 гг. он начал поддерживать либеральное течение и дал ему возможность окрепнуть. Этот процесс достиг своей завершающей фазы в 1966 г., когда в результате тщательно подготовленного заговора Ранковича сняли со всех партийных и государственных постов и вынудили уйти на пенсию. В сообщении советского посла в Белграде своему правительству это драматическое событие описано как победа «либеральных тенденций в руководстве СКЮ, выразителем которых является Эдвард Кардель». Речь якобы шла о конфликте между сторонниками неограниченной децентрализации экономики и самоуправления с Ранковичем, требовавшим укрепления партии и государственных органов, а также — между просоветски настроенным сербом и словенцем Карделем, который ищет опору для своих «ошибочных идей» на Западе²⁶.

В течение следующих пяти лет в Югославии развернулся либеральный эксперимент, в ходе которого в ключевых республиках — Сербии, Хорватии и Словении — к власти пришли относительно молодые люди, понимавшие необходимость обновления режима для сохранения жизнеспособности федерации. Решающим для этого периода стал 1968 год, когда Пражская весна была уничтожена государствами — членами Варшавского договора (за исключением Румынии). Интервенция вооруженных сил Советского Союза и его союзников в Чехословакию,

²⁵ *Pirjevec J.* Op. cit. S. 461.

²⁶ *Pirjevec J.* Iskanje socializma s človeškim obrazom. *Annales.* 2014. Ser. Hist. Sociol. 24, 4. S. 772.

где коммунистическая партия под руководством Александра Дубчека попыталась осуществить реформу, подобную югославской, очень обеспокоила Тито и его товарищей, поскольку им казалось, что тот же самый сценарий могли в любое время применить и к ним. Было понятно, что Москва не может принять успех югославского пути к социализму, ведь это означало бы, что можно достичь светлой коммунистической цели и другим, более гуманным способом, чем тот, что применялся в СССР и его блоке. Страх перед вероятной советской интервенцией и в СФРЮ с августа 1968 г. висел как Дамоклов меч над головами югославского руководства. Наряду с этим, «старая гвардия» во главе с Тито и Карделем стала опасаться «новой гвардии», что обуславливалось ее чересчур дерзким реформаторским пылом и почти не прикрытым желанием отделаться от исторических вождей, годных лишь на то, чтобы стать музейными экспонатами. Вспыхнул и конфликт поколений, вызванный непродуманной политикой хорватских руководителей во главе с Савкой Дабчевич-Кучар и Мико Триполо, которые были убеждены, что во имя достижения своих целей они смогут укротить и обуздать дикого коня хорватского национализма. Поскольку сделать это им не удалось, в конце 1971 г. Тито был вынужден вмешаться и нанести удар государственного масштаба — сместить загребскую правительственную команду и заменить ее своими людьми. Кардель полностью одобрил его автократический поступок, поскольку ему казалось, что Хорватия скатывается в пропасть и это ставит под угрозу сами основы социализма. В тех случаях, когда Кардель стоял перед выбором между свободно выраженной волей народа, приобретающей черты анархизма и популизма, и социализмом, даже авторитарного типа, он всегда выбирал социализм. Его восприятие демократии ограничивалось этим рубежом. Он полагал, что в Югославии любой сдвиг в направлении парламентской демократии «неизбежно приведет к победе контрреволюции». «Лучше я увижу русские танки на улицах, чем угрозу достижениям революции со стороны вашей “дубчековщины”», — резко сказал он Савке Дабчевич-Кучар в апреле 1971 г.²⁷

²⁷ *Pirjevec J.* Op. cit. S. 562.

Падение хорватских либералов вызвало «эффект домино»: осенью 1972 г. и весной 1973 г. от власти отстранили также сербских и словенских либералов. В Югославии воцарилась атмосфера примитивной марксистской ортодоксии, но поскольку Кардель не разделял приверженности к этим догмам, он пытался компенсировать падение «молодой гвардии» и ее либеральных стремлений путем преобразования югославского общества в соответствии со своими утопическими идеями. Последние были основаны на убеждении, что настоящий социализм основывается на прямой народной демократии, причем эта демократия должна утвердиться в рамках четко ограниченной свободы — свободы интересов самоуправления. Гарантиями ее должны были стать компартия и армия, препятствующие ее перерождению в плюрализм мнений. Хотя модель Карделя, которую он в 1974 г. постарался внедрить в новой, уже четвертой, конституции СФРЮ, по-прежнему была монистической, для Москвы она являлась неприемлемой, поскольку отвергала структуру общества, базирующуюся на плановой экономике. На конституцию Карделя, в которой, помимо прочего, провозглашался суверенитет республик в рамках федерации, Москва ответила запрещенным ударом — организацией в начале апреля 1974 г. тайного съезда КПЮ, который в противовес правительственной команде должен был объявить себя легитимным представителем революционной власти. Его собирались использовать в момент кризиса, который, как никто не сомневался, наступил бы после предполагаемой смерти Тито. Благодаря бдительности тайных служб Тито и его сторонникам удалось быстро нейтрализовать этот замысел, но они не поверили заверениям Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева, что Москва не имела к нему никакого отношения. Кардель, лично занимавшийся расследованием этих закулисных махинаций, в знак протеста по поводу вмешательства Москвы во внутренние дела Югославии отказался от участия в торжественном праздновании 250-летия Академии наук СССР²⁸.

²⁸ *Pirjevec J.* Op. cit. S. 623.

Это крайне недоверчивое, если не враждебное, отношение к Советскому Союзу было характерной чертой всей политики Карделя. Уже на смертном одре он в письме к Тито прокомментировал заявление М.А. Сулова, что вся советская внешняя политика, начиная с 1917 г. — со сталинского времени включительно, — была стопроцентно правильной. Этот комментарий прозвучал как завещание политика. В нем Кардель утверждал, что вопрос о том, как уберечься от советской опасности, станет самой сложной задачей, которую придется решать не только их современникам, но и будущим поколениям югославам²⁹.

Перевод со словенского Л.А. Кирилиной

²⁹ AS. Dedijer. T. e. 111. Tipkopolis za IV. zvezek Titove biografije. S. 148.